

«Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych», pod redakcją W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Splawińskiego, t. I, część. 1: A — B. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, XII + 216 стр.

Названная публикация представляет собой начало монументального комплексного издания, рассчитанного на несколько томов и призванного охватить проблемы древнейшей культуры славянства, огромный круг вопросов славяноведения в широком понимании. Трудно переоценить значение этого важного опыта, который в течение ближайших нескольких лет даст нам первый «Reallexikon der slavischen Altertumskunde». До сих пор справочники такого рода имелись только по классическим древностям, по проблемам доистории, по германским древностям и по индоевропейским древностям. Этими изданиями Паули — Виссова, Эберта, Хооса и Шрадера — Неринга постоянно вынуждены были пользоваться и слависты, вполне сознавая, что отсутствие специального аналогичного справочного пособия по славянским древностям не может быть восполнено ничем. Поэтому инициатива польских ученых, взявших на себя нелегкий труд подготовки такого современного комплексного издания, не может не вызывать чувства искренней благодарности. Трудности, связанные с определением состава словника и самой его подачи, сложность сотрудничества лингвистов с историками на современном этапе, необходимость краткого, суммарного изложения, не говоря о более конкретных затруднениях, делают понятным то, что осуществление этой задачи возможно только на том уровне развития славяноведения, который отличает польскую науку. Разумеется, удобнее будет судить о словаре по выходе в свет хотя бы большей его части. Кроме того, оценка исторической, археологической, этнографической, искусствоведческой частей словаря, естественно, является делом специалистов соответствующей компетенции. Здесь же мы намерены кратко охарактеризовать его лингвистический, точнее — этимологический материал.

Новый «Словарь славянских древностей», обращенный главным образом в отдаленное прошлое (хронологические рамки словаря — с начала славянства до условной даты 1200 г. н. э.) не может не заинтересовать тех, кто занимается проблемами славянской этимологии, древних лексических связей славянства, а также, например, проблемами реконструкции древнего состава славянской ономастики. В этой связи достойна особого упоминания такая деталь внешнего оформления, как подача отдельных заглавных слов статей в реконструированном праславянском виде (см. стр. 101: *Bělgordъ*). Конечно, словарь этого типа направлен в первую очередь на выявление реалий, и опыты вроде упомянутого могут находить в нем лишь ограниченное применение — на материале этнических, территориальных и личных названий, но в этом нельзя не видеть определенного новаторства польского труда по сравнению с аналогичными известными словарями.

Как указывается во Введении (стр. V), «в лингвистический аппарат комплексных статей синтетического характера, а также в лексические статьи включено много этимологических решений, объясняющих значение названий племен, лиц и стран». В составлении лингвистических статей приняли участие Лер-Сплавинский (статьи *Adriatyk*, *Aistowie*, *Alanowie*, *Albańczycy*, *Alta*, *Bałytk*, *Borystenes*, *Bosna*, *Budynowie* и др.), Рудницкий (*Arkona*, *Bełz*, *Berlin*, *Buda*), Сафаревич (*Bałyckie języki i ich narzecza*; *Bałto-słowiańskie stosunki językowe*), Урбанчик (*Bóg*), Цимоховский (*Albańczycy*; *Albańczycy — stosunki językowe*; *Albańsko-słowiańskie stosunki językowe*), Славский (*Athos*) и др. Особенно интересны, обширные упомянутые статьи албаниста В. Цимоховского, носящие характер самостоятельных исследований. Этимолог не может пройти мимо ряда изоглосс, намечаемых автором в области лексики между албанским, балтийским, славянским, германским. Вслед за ним мы тоже специально укажем на любопытный факт соответствия фин. *pihti* 'тогсепс' < *pišti, мордов. *peš* 'светильник' и алб. *pishtar* 'приспособление из дерева и металла, поддерживающее зажженную лучину' (стр. 17). Финские слова объясняются как заимствованные, особенно если принять во внимание связи алб. *pishtar* на албанской почве, ср. алб. *pišhë* 'сосна', *pištë* 'сосновый'. Эта пока единственная финноугорско-албанская этимология, к тому же обладающая всеми признаками формального и семантического правдоподобия, может принести пользу дальнейшему изучению проблемы древней внешней истории албанского, индоевропейской диалектологии и индоевропейско-финноугорских контактов.

Кроме того, Цимоховский обобщает сведения о балканской прародине албанского языка; в этом вопросе он, как и Э. Чабей, является представителем автохтонистской теории, по которой албанцы с древности (а не со средневековья, как полагают многие) занимали часть современной Албании (стр. 13 и сл.)¹. По мнению Цимоховского, албанский — это продолжение древнеиллирийского диалекта, смешавшегося с фракийскими элементами. По-видимому, эти вопросы еще останутся предметом споров. Можно пожалеть, что почти ничего не говорится о внутривалканском пребывании древних албанцев и его возможных следах, ср. алб. *Shqipëtar* 'албанец' < *Shkup* < антич. *Scupi* 'Скопье', т. е. первоначально 'скоплянин', а также ср. шопскую проблему, в частности старую этимологию племенного названия *шоп* через характерное албанское посредство (*s* > *š*) из фрак. *Σαπαίοι*².

Значительное место в «Словаре» занимают топонимы, оронимы и близкие названия со слав. *běľь, ср. хотя бы *Белград* в Сербии, *Белград* в Албании (*Берат*), *Белгород*, не говоря о других тождественных, далее — *Biała Góra* и под. Едва ли нужно, вслед за П. Скоком, связывать *běľь* с положением у воды исключительно во всех случаях (ср. стр. 101—102). Такое название могло носить и иной характер, о чем говорит глосса *Βελαγρόδο* — *Ποὐλχεριόπολις* (лат.-греч.) 'красивый город', приводимая и в «Словаре» (стр. 102) для албанского Белграда, ср. аналогичное глоссирование Белой горы у Титмара («Словарь», стр. 110). Несомненно, что в ряде случаев такое название могло означать 'белокаменный город'³ и, по-видимому, другие природные условия места. В статье *Atelkuzu* ('Ателкоуцзу), к сожалению, отсутствует, против обыкновения, лингвистический коммен-

¹ См. еще: W. Cimochowski. Des recherches sur la toponomastique de l'Albanie. — LP, VIII, 1960, стр. 133 и сл.

² Ср.: I. Polović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 84, 242.

³ См.: L. Papp, L. Kiss. Рец. на кн.: J. Staszewski. Słownik geograficzny. Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych. Warszawa, 1959. «Studia Slavica», t. VII. Budapest, 1961, стр. 247.

тарий этого интересного древненгерско-тюркского гибридного названия западной части Северного Причерноморья в IX в. н. э. Досаден пропуск более новой этимологии *Berlin* из зап.-слав. *Bьrdlinъ в соответствующей статье «Словаря» (стр. 107—108).

В остальном сообщенные выше замечания целесообразно расценивать скорее как результат интереса, вызываемого чтением этого полезного нового справочного пособия по древностям славян. Еще одним таким сугубо факультативным замечанием позволю себе закончить аннотацию этимологической части «Словаря». Так, имея в виду актуальность предпринимаемых также и в последнее время поисков южных границ балтийского ареала, в частности южной границы ятвягов, можно попытаться истолковать *Betz*, название одного из червенских городов (см. стр. 102), как колонизацию ятвяжского *bilsas* 'белый'.

О. Н. Трубачев